

УДК 929.521.2(47)''16''(045)

*Л.Б. Сукина***ДРЕВНЕРУССКИЕ КНЯЗЬЯ В ВИЗУАЛЬНОЙ КОНСТРУКЦИИ ДРЕВ ЦАРСКОГО РОДОСЛОВИЯ В РОССИИ XVII в.**

Новым явлением в культуре России XVII в. были изображения древ родословия царских династий Рюриковичей и Романовых. Они должны были репрезентировать современникам и потомкам историческую и генетическую преемственность между старым и новым правящими домами. В статье рассматривается проблема идейных оснований и визуальных образцов включения в их композицию конкретных персон древнерусских князей. Цель статьи – выявить, чем могли руководствоваться заказчики и художники в выборе персоналий, помещаемых на древо, и трактовке княжеских образов, в том числе, антуража и инсигний. Основными источниками исследования являются семь известных в настоящее время изображений царских родословий (три миниатюры, икона и прорись с иконы, гравюра и фреска), а также тексты Степенной книги, Нового летописца, великокняжеского и царского помянника в Синодиках. Его результатом стал вывод, что идейная подоплека и иконография княжеских изображений в визуальной конструкции царских древ отличались заметным разнообразием. Оно было обусловлено различием как доступных художественных моделей, так и идеологических задач, стоявших перед составителями рассматриваемых композиций, хотя все они ориентировались преимущественно на текст Степенной книги. Анализ княжеских изображений в конструкциях древ царского родословия дает новый материал для изучения путей развития династической концепции царской власти в эпоху первых Романовых.

Ключевые слова: Древняя Русь, Россия первых Романовых, князь, царское родословное древо, царская власть, визуальный источник

DOI: 10.35634/2412-9534-2024-34-3-725-732

История Древней Руси и образы ее правителей впервые становятся объектами особого внимания в русской книжности, публицистике, изобразительном искусстве в переходный период от Средневековья к Новому времени. В первую очередь, это было обусловлено формированием в середине – второй половине XVI в. династической концепции царской власти, сопровождавшимся созданием таких ключевых текстов, как «Сказание о князьях Владимирских» и масштабных книжных проектов: Макарьевских четких-миней, Степенной книги царского родословия, Лицевого летописного свода. В указанных и других сочинениях древнерусские князья представлены как кровные и/или святые предки, политические предшественники московских великих князей и царей династии Рюриковичей [12; 16]. Как убедительно показал А. В. Сиренов, династия Романовых в XVII в. продолжила развивать эту концепцию, что сопровождалось апроприацией уходящих в Древнюю Русь родственных связей и символическим включением их в родословие новой династии [11]. Именно в этом столетии царские родословные древа стали конструироваться не только вербально, но и визуально. Объектами исследования в нашей статье являются семь известных в настоящее время изображений царских древ XVII в.: миниатюра «Древо святых князей Древней Руси» в Синодике ярославского Спасо-Преображенского монастыря 1656 г.; иконописный образ Симона Ушакова «Похвала иконе «Богоматерь Владимирская»» («Древо государства Московского») 1663 г.; гравюра «Род правых благословится» в книге Лазаря Барановича «Меч духовный» 1666 г.; миниатюра «Изображение степеней» в списке Степенной книги 1670 г.; миниатюра «Древо князей и царей» начала 1680-х гг. в Синодике Воскресенского Новоиерусалимского монастыря; графическая прорись с образа «Похвала иконе «Богоматерь Владимирская»» («Древо государства Московского») 1680-х гг.; фреска «Родословное древо Рюриковичей» в Спасо-Преображенском соборе московского Нововоспасского монастыря 1680-х гг.

С начала 2000-х гг. княжеские образы в русском средневековом искусстве не раз привлекали внимание специалистов (в основном, искусствоведов и историков культуры). Однако многие аспекты включения в их иконографическую конструкцию изображений древнерусских князей нуждаются в дополнительном исследовании и осмыслении. Цель настоящей статьи – выявить идейные основания, которыми руководствовались заказчики и художники при выборе персоналий, помещаемых на древо, трактовке деталей княжеских образов, включая место в общей композиции, позы, жесты, элементы костюма. Все эти нюансы важны для понимания того, как прошлое правящей династии репрезентировалось современникам и ближайшим потомкам, какие для этого использовались приемы и средства.

Следует сразу же отметить, что мы будем анализировать царские древа не в качестве произведений искусства (хотя большинство из них отличается выдающимися художественными качествами), а как визуальные источники, соответствующие задачам исторического исследования.

Прежде чем обратиться к основной проблематике статьи, кратко остановимся на общих принципах конструирования изображений династических древ в средневековой европейской культуре. Истоки происхождения этого визуального образа (схема родословия владетельного рода в виде дерева с корнями, стволом и кроной) точно не установлены. Возможно, одним из его источников могло быть древнее представление о мировом древе (*arbor mundi*). Но нельзя не согласиться и с мнением К. Клапиш-Зубера, что, поскольку все известные родословные древа в европейской культуре относятся к христианской эпохе, их скорее можно связать с «Древом Иессеевым», известным по Писанию, раннехристианской гимнографии и возникшей на их основе средневековой иконографии рода Иисуса Христа [5]. При этом религиозная иконография «Древа Иессеева» была довольно разнообразна и вариативна в зависимости от того, какие конкретные тексты и идеи использовались при ее составлении. В дальнейшем это обстоятельство предоставило значительный простор фантазии авторов композиций родословных древ европейских правящих домов и аристократии. В Средневековье изображение древа могло служить и геральдическим символом. Как отмечает М. Пастуро, в геральдике французских королей наряду с лилией использовались два его эквивалента – цветущий жезл и украшенный цветами скипетр. С XII в. иконографическим символом французского королевства было и «Древо Иессеево», образ которого продвигал аббат Сугерий [8, с. 113–114].

Родословие владетельных родов визуализировалось в Средневековье и раннем Новом времени в форме дерева, у корней которого находилась фигура родоначальника, на стволе размещались представители старшей линии рода, а на ветвях в виде цветов или плодов – его известные представители. Одновременно также использовалась и другая схема, когда прародитель помещался на вершину кроны, а его потомки, наследовавшие друг другу, украшали собой спускающиеся к земле ветви. В России XVII в., как мы покажем ниже, использовались оба варианта визуальной генеалогии царских и княжеских родов. В Европе было принято включать в родословные росписи и схемы представителей как мужской, так и женской линии. В русской генеалогии до XVIII в. женские персоны на древе были скорее исключением, каждый раз обоснованным особыми обстоятельствами.

Судя по сохранившимся визуальным источникам, традиция изображения царских древ в России XVII в. появилась при царе Алексее Михайловиче (царствовал 1645–1676), втором представителе династии Романовых, и была продолжена при его сыновьях Федоре, Иване и Петре. Если иконографическими образцами этих изображений, по всей видимости, служили европейские гравюры, то их идейные основания следует искать в русской книжности XVI–XVII в. В ней Россия представлена как славнейшее православное царство, которым правит благочестивая династия, продолжающая древние традиции самодержавной власти. Заметную роль в формировании этой идеологической концепции сыграла Степенная книга, редакции которой в середине – второй половине XVI в. обосновывали права московских государей на царский титул. А. В. Сиринов в своих исследованиях отмечает постепенное нарастание интереса к этому сочинению столетней давности в период царствования Алексея Михайловича. В это время распространяются списки Пространной редакции Степенной книги, они дополняются вставками из других источников, в которых описывается царское родословие. В свою очередь, Степенная книга использовалась при составлении других сочинений. Так, в 1652 г. из нее заимствовался материал для патриаршего летописного свода. Созданный Алексеем Михайловичем в 1657 г. Записной приказ был призван составить продолжение Степенной книги, доведя ее до царствования этого государя (по разным причинам задача не была выполнена). Десять лет спустя похожую работу пытался осуществить дьяк Разрядного приказа Федор Акимович Грибоедов. Ф. А. Грибоедов кратко пересказал Степенную книгу, добавив в нее информацию из Хронографа 1617 г. и других исторических сочинений. Соединить Рюриковичей и Романовых в одну династическую линию у него не вышло, но, как явствует из царского указа, дьяк был награжден за стремление это сделать [12, с. 266–333].

Сохранившиеся письменные и визуальные источники позволяют предположить, что на первом этапе конструирования царских древ их создатели руководствовались задачей увековечения памяти предков, не столько генетически, сколько спиритуально объединявших старую и новую царские династии. Поэтому так важны были фигуры князей, почитавшихся во святых. Именно эти княжеские образы выбрали среди множества других в Степенной книге и иных агиографических текстах.

Самое древнее из сохранившихся изображений родовых древ, соответствующих этой задаче – миниатюра из рукописного Синодика 1656 г. ярославского Спасо-Преображенского монастыря [10, л. 104 об]. Его иконография связана с практикой церковной коммеморации с традицией обязательного поминания великих князей и царей. Великокняжеский и царский помянник, также как и создававшиеся одновременно с ним в середине XVI в. Государев родословец и Степенная книга, включали только «благочестивых» (исповедовавших христианство) правителей Руси¹. Поэтому родоначальником ветви «великих князей всея России» в них выступал креститель Русских земель князь Владимир Святославич, а не язычник Рюрик. Великокняжеский и царский помянники, как и всю поминальную часть Синодика в целом, иллюстрировали очень редко. Каждый раз это было обусловлено какой-то особой и далеко не всегда очевидной современному исследователю необходимостью.

На титульном листе Синодика Спасо-Преображенского монастыря указано, что он был писан (скорее всего, начат) 17 марта 7164 (1656) г. «на память святого преподобного Алексия Человека Божия». Возможно, к заказу рукописи имел отношение царь Алексей Михайлович, при котором было завершено начатое его отцом восстановление обители, серьезно пострадавшей в Смуту, или же монастырская братия пожелала таким способом отблагодарить государя. В рукописи несколько раз (в том числе в один из них по-гречески) упоминается имя ее переписчика и художника – черного дьякона Сергия, но никаких других сведений об этом человеке найти не удается, как и достоверно установить его связь со Спасским монастырем.

Поминание «благочестивых царей и великих князей русских», которое начинается с царей Ивана Грозного, Федора Иоанновича и Бориса Годунова, открывает миниатюру с изображением «Древа святых князей Древней Руси» (такое название за этой композицией закрепилось в исследовательской литературе). Действительно, почитание во святых – это главное, что объединяет помещенные на нем исторические персоны (голова каждого окружена нимбом). Внизу, у основания древа, изображены фигуры княгини Ольги и князя Владимира. Оба в царских венцах, но в подписях к изображениям они обозначены княжескими титулами. Эта часть композиции соответствует началу христианской генеалогии русских правителей, как оно представлено в Степенной книге: Ольга, принявшая индивидуальное крещение, – предтеча «русского рода», а Владимир – первый благочестивый «царь», все потомки которого унаследовали не только власть, но и веру. В чашечках цветов на ветвях древа изображены пятеро князей. На нижних левой и правой ветвях мы видим Довмонта Псковского, Бориса, Глеба и Всеволода Псковского. На двух верхних ветвях – Михаила Черниговского и боярина Федора. Жития всех этих святых были включены в Степенную книгу, что могло быть основной причиной введения их образов в рассматриваемую иконографию. Но при этом в композиции отсутствует персона благочестивого князя Александра Невского, которую, как мы покажем ниже, изображали на большинстве древ эпохи первых Романовых. Связь Бориса и Глеба с Ольгой и Владимиром как кровно, так и символически в спиритуальной генеалогии царского рода очевидна и не требует специальной интерпретации. Почитание князя Михаила Черниговского как «святого сродника» великих московских князей, а также многих удельных княжеских родов, и его боярина Федора как образца верности зависимого лица своему господину получило распространение в Русском государстве еще в XVI в. [1, с. 39–44, 74–77]. Несколько сложнее обстоит дело с псковскими князьями, связанными с московскими Рюриковичами лишь отдаленным боковым родством. Псковские святые в подписях к их изображениям названы своими княжескими именами – «Домантъ» (Довмонт) и «Всеволодь», а не Тимофей и Гавриил, хотя в церковной коммеморации важно было поминание именно под крестильным или монашеским именем. Исследовательница Синодика Спасо-Преображенского монастыря Т. И. Гулина попыталась связать программу рукописи, ее иллюстративного цикла в целом и рассматриваемой миниатюры в частности с историческими событиями недавнего для заказчиков и книжника времени (Смутой, Польской войной 1630–1650-х гг., присоединением левобережной Украины и т. п.) [2, с. 241–243]. С этим мнением можно согласиться, при этом учитывая, что подобная иконография использовалась и ранее, в несколько ином историческом и культурном контексте. Например, она обнаруживается во фрагменте поход-

¹ Согласно исследованию С. М. Каштанова, идея создания специального общего помянника великих князей, которые до этого поминались разрозненно по месту погребения или в своих ктиторских храмах и монастырях, в рамках синодичного поминания вселенских патриархов возникла в середине XVI в. в связи с намерением Ивана Грозного добиться официального соборного освящения царского титула [4, с. 46–47]. В дальнейшем поминание великих князей в Синодиках было продолжено поминанием царей.

ной церкви «Небесная сень» конца XVI в. из Твери². На этой иконе изображены вместе Владимир, Ольга, Борис, Глеб, Всеволод и Довмонт. Изображение последних и Ольги, по мнению И. А. Шалиной, позволяет связать данную иконографию с псковской иконописной школой [18, с. 311–312]. Интерес к этому сюжету у составителей ярославского Синодика мог возникнуть под влиянием Нового летописца 1629/1630 г., который Я. Г. Солодкин относит к наиболее значительным летописным нарративам своего времени, доказывающим право Романовых на престол [13, с. 46]. В нем неудача шведских войск при осаде Пскова в 1613 г. приписана «милости» Живоначальной Троицы (которой посвящен главный городской собор) и псковских чудотворцев Всеволода и Довмонта, святых покровителей законной государственной власти [7, с. 137]. Важно подчеркнуть, что иконография древа, элементы которой, с высокой долей вероятности, были заимствованы из псковской иконописи, не противоречила династической концепции Степенной книги – Жития Довмонта и Всеволода входили в ее состав как часть повествования о царском родословии.

Другую иконографическую модель использовали составители композиций икон «Древо государства Московского». В сознании людей XVI–XVII вв. помещенная в их центре Владимирская икона Богородицы была соединена с царской властью и божественным избранием русских государей, которые со времени Ивана Грозного перед ней венчались на престол. В этой иконографии Московское государство представлено как православное царство – хранитель чистоты веры и благочестия от своего основания до конца времен. В его «родословие» включены не только светские владыки, но и церковные иерархи, святые основатели крупнейших монастырей и особо почитаемые юродивые [15, с. 38–68]. На раннем из двух известных произведений на этот сюжет – иконе Симона Ушакова 1663 г.³ – на ветвях помещены фигуры только двоих из древнерусских князей: Александра Невского и Михаила Черниговского. Оба в XVII в. были чтимыми святыми царского дома. Круглый медальон с образом Александра Невского размещен на нижней правой ветви виноградного куста. Примечательно, что святой представлен в монашеском облике, а в подписи к изображению назван «преподобным» князем (хотя почитался в лике благоверных правителей), но при этом мирским именем Александр, а не монашеским Алексей. Михаил Черниговский изображен в третьем сверху медальоне на левой ветви древа в княжеском одеянии и шапке⁴. Выбор составителями иконографической схемы только этих древнерусских князей, вероятно, обусловлен ее идеологической программой. Оба князя почитались, в первую очередь, как защитники православной веры – эта особенность выдвинута на первый план в их Житиях. Второе близкое по иконографии древо, известное по прориси с образа «Похвала иконе «Богоматерь Владимирская»» 1680-х гг.⁵ не дает возможности сделать релевантный вывод о персоналиях изображенных на нем лиц в княжеских облачениях, так как на рисунке отсутствуют подписи.

Еще один вариант иконографии царского древа был разработан для входной гравюры «Род правых благословится» в книге Лазаря Барановича «Меч духовный» 1666 г. [6, л. 2], вероятно, в граверной мастерской Киево-Печерской типографии. Выход книги был приурочен к началу Большого Московского церковного собора и совпадал с предполагаемой датой возможного конца света. Гравюра пронизана эсхатологической символикой, а семья царя Алексея Михайловича, включая царицу Марию Ильиничну (Милославскую) и царевичей Алексея, Федора и Симеона, представлена как род государей последних времен [15, с. 69–76]. В композиции гравюры и литературных предисловиях книги царское семейство включено в праведную династию христианских правителей России, начало которой положили креститель Руси Владимир Святой и его сыновья, князья-статотерпцы Борис и Глеб. Именно эти трое древнерусских князей изображены у основания древа. Владимир представлен как «корень» царского рода. Опершись на руку, он возлежит на земле, а семейное древо Алексея Михайловича произрастает из его бедра (Подобным образом в искусстве Средневековья и раннего Нового

² Тверская областная картинная галерея. Инв. Ж–1239.

³ Государственная Третьяковская галерея. Инв. 28598.

⁴ В исследовательской и научно-популярной литературе с конца XIX в. до наших дней данное изображение соотносят с царем Михаилом Федоровичем (Романовым), но это мнение ошибочно. В композиции древа Михаил помещен ниже царя Федора Иоанновича и царевича Димитрия Угличского, ближе к корню, и, следовательно, в логике рассматриваемой иконографии приходится им предком, а не потомком. К тому же, в сопровождающей изображению надписи он назван «князем», а не «царем», в отличие от других русских государей, обладавших царским титулом. В пользу нашей гипотезы свидетельствуют и княжеские, а не царские инсигнии этой персоны (в первую очередь, головной убор).

⁵ Частное собрание, Москва.

времени изображали библейского Иессея в композиции «Древа Иессеева» и прославленных прародителей в визуальных генеалогиях европейских владетельных родов). Борис и Глеб, в строгом смысле, не являются генетическими предками ни Рюриковичей, ни Романовых, но они «красят» (украшают) правящий дом своей праведной кровью. Не давшие собственных побегов в виде потомства молодые князья изображены не на общем древе, а под одиноко стоящими финиковой пальмой (Глеб) и кедром (Борис). Эти деревья в христианстве мыслятся символами духовного совершенства: праведник цветет как финиковая пальма и возвышается духом подобно ливанскому кедру (Пс. 91: 13). Все три князя, как и их «потомки», изображены в царских венцах, но скипетр – символ верховной власти держит только Владимир, у Глеба меч в правой руке, а у Бориса копьё – в левой.

Непосредственно со Степенной книгой сюжетно связаны две миниатюры 1670 и 1680-х гг. Первая из них является одной из двух иллюстраций списка Степенной книги подьячего Разрядного приказа Ф. Ф. Постникова-Парфеньева (Парфенова) [14, л. 61 об]. Рукопись предназначалась для вклада в Успенский собор г. Владимира и, скорее всего, была выполнена в одном из московских скрипториев. Во вкладной записи особо подчеркнута, что Успенский храм посвящен также памяти владимирского чудотворца, благоверного великого князя Георгия Всеволодовича и его «сродников», пострадавших за благочестие и похороненных в соборе [14, л. 19–28]. Миниатюра с древом в нижней части имеет подпись «Изображение степеней» и представляет собой вариант визуальной генеалогии династии Рюриковичей. Проблем с идентификацией изображенных на ней персон не возникает, так как каждая фигура подписана. Родоначальник благоверного рода князь Владимир Святой изображен на вершине древа. От ствола отходит 17 ветвей, на кончике каждой из которых изображен стоящим как свеча один из князей или царей, принадлежащих к главной линии русских «скипетродержателей». На древе изображены 16 великих князей (киевских, владимирских и московских): Владимир Святой, Ярослав Мудрый, Всеволод Ярославич (первым использовавший титул «князь всея Руси»), Владимир Мономах, Юрий Долгорукий, Всеволод Большое (Великое) Гнездо, Ярослав Всеволодович, Александр Невский, Даниил Московский, Иван Калита, Иван Красный, Дмитрий Донской, Василий I Дмитриевич, Василий II Темный, Иван III, Василий III. На нижних ветвях — два царя: Иван Грозный и Федор Иоаннович. Все князья в подписях имеют титул «великих», независимо от того, обладали ли они им в реальности. Большинство из них представлены в княжеских одеяниях (верхних платьях и плащах) и княжеских шапках. Александр Невский и Иван Красный, ставшие перед кончиной схимниками, – тоже в княжеских плащах, но с монашескими куколями на головах. Владимир Святой изображен в зубчатой «царской» короне, а Владимир Мономах в венце сложной формы, который символически обозначает его предполагаемую связь с византийской императорской династией.

Эта иконографическая схема воспроизведена и на миниатюре с изображением родословного древа русских князей и царей из Синодика Воскресенского Новоиерусалимского монастыря [9, л. 76]. Ряд государей в ней дополнен образами представителей рода Романовых (царей Михаила Федоровича, Алексея Михайловича и Федора Алексеевича), так как данный Синодик использовался в коммеморации членов царской семьи. Изображения князей и сопровождающие их тексты в деталях заметно отличаются от миниатюры Степенной книги 1670 г. В царском венце представлен только Владимир Святой. На головах у большинства князей, включая Владимира Мономаха, – княжеские шапки. В монашеских мантиях и куколях изображены Александр Невский, Даниил Московский и Иван Калита. В подписях «великими» титулованы только киевские князья и Всеволод Большое Гнездо. Все остальные владимирские и московские князья до Василия Темного включительно этого статусного добавления к титулу не имеют. К сожалению, установить точный источник этих новых иконографических вариаций пока не удалось.

Самое масштабное изображение родословного древа Рюриковичей находится на своде паперти Спасо-Преображенского собора Новоспасского монастыря в Москве. При этом в XVII в. обитель служила семейной усыпальницей Романовых. Фреска была выполнена в 1680-е гг. по заказу царей Ивана и Петра Алексеевичей, а также цариц и царевен, предположительно, артелью костромских мастеров во главе с В. О. Колпашниковым [3, с. 40]. Как и в других княжеских и царских древах, здесь представлены персоны только мужского пола, за исключением княгини Ольги, которая вместе с Владимиром Святым поливает корень виноградной лозы. За спинами святых «садовников» стоят, обращаясь к древу в молитве, князья-статотерпцы Борис и Глеб. Из этой четверки на этот раз в царских венцах изображены только Ольга и Владимир. Прихотливо извиваясь, ветви древа образуют медальоны, внутри которых представлены ростовые фигуры других князей Рюрика дома, как святых, так и не

удостоенных святости. В основное древо включены изображения 68 князей, в числе которых не только представители основных киевской, владимирской и московской ветвей, но и удельные князья костромские, рязанские и козельские, дмитровские, каргопольские, ярославские, муромские, ростовские, Довмонт и Всеволод Псковские. Отдельно, в арках, изображены святые Федор Ярославский (Смоленский) с сыновьями и Михаил Черниговский с Боярином Федором. Их роды прервались, и формально они не входили в царскую династию, но считались ее святыми «сродниками». Сохранились далеко не все подписи к изображениям, поэтому не всегда можно соотнести визуальный образ с конкретной исторической персоной. Изображения князей расположены в хронологическом порядке снизу вверх. Венчали роспись изображения царя Ивана Грозного и его сыновей-наследников Федора Иоанновича и Дмитрия Угличского. Старший из них был последним царем старой династии, а младший – ее последним святым. После Смуты царский престол в результате процедуры «избрания» занял внучатый племянник государя Федора Иоанновича – Михаил Федорович Романов.

Князья на фреске, по уже утвердившейся к тому времени традиции, изображены в парадных одеждах и княжеских шапках, у каждого в руке – жезл как символ власти. Роспись была поновлена в 1837 г., и теперь без серьезных реставрационных исследований невозможно сказать, украшали ли первоначально головы всех князей (без различия святых и не святых) наблюдаемые сейчас золотые нимбы. Несомненно, иконография росписи опирается на литературную репрезентацию могущественного и многочисленного рода русских государей в Степенной книге, но ее визуальные источники точно не определены. Возможно, в качестве одного из образцов использовалась несохранившаяся роспись Золотой палаты Московского Кремля XVI в., опись которой в начале 1670-х гг. сделал царский изограф Симон Ушаков [17].

Итак, как мы показали, что иконография и идейная подоплека изображений древнерусских князей в композициях царских древ XVII в. отличались разнообразием. В заключении, подчеркнем еще один важный нюанс. Там, где в царское родословие включены только святые предки – основатели династии Рюриковичей (Ольга, Владимир, Борис, Глеб), они изображены с нимбами. В композициях «Похвала иконе «Богородица Владимирская»» головы Александра Невского и Михаила Черниговского тоже окружены этими символами святости. Здесь правители средневековой Руси – святые среди других святых устроителей православного Московского царства (святителей и преподобных). В Степенной книге и Синодике Воскресенского Новоиерусалимского монастыря все князья, независимо от того, чтятся или нет они во святых, представлены без нимбов. Это свидетельствует в пользу того, что данные композиции могли восприниматься, преимущественно в генеалогическом, а не спиритуальном контексте памяти о предках правящей династии. К сожалению, как уже отмечалось выше, мы не знаем, использовались ли нимбы в первоначальном варианте росписи в Спасо-Преображенском соборе Новоспасского монастыря. Таким образом, анализ княжеских изображений в композициях древ царского родословия дает новый материал для исследования иконографических моделей и идейных стратегий развития династической концепции царской власти в эпоху первых Романовых.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бычкова М. Е. Состав класса феодалов России в XVI в. Историко-генеалогическое исследование. М.: Наука, 1986. 219 с.
2. Гулина Т. И. Синодик ярославского Спасского монастыря 1656 г. (к формированию идеологии российской власти в XVII в.) // Смутное время в России в начале XVII века: Поиски выхода. К 400-летию «Совета всея Земли» в Ярославле: Материалы Международной научной конференции. М., 2012. С. 231–247.
3. Дмитриев И. Д. Московский первоклассный Новоспасский Ставропигиальный монастырь в его прошлом и настоящем: Историко-археологический очерк. М., 1909. 138 с.
4. Капитанов С. М. Царский синодик 50-х годов XVI в. // Историческая генеалогия: альманах. Екатеринбург; Париж, 1993. № 2. С. 44–67.
5. Клатиши-Зубер К. От Священной истории к наглядному изображению генеалогий в X–XIII веках // Одиссей: Человек в истории: Язык Библии в нарративе. М.: Наука-М, 2003. С. 200–227.
6. Лазарь (Баранович). Меч духовный. Киев: Тип. Киево-Печерского м-ря, 1666. 481 л.
7. Новый летописец // Полное собрание русских летописей. СПб.: Тип. М. А. Александрова, 1910. Т. 14. Ч. 1. 154 с.
8. Пастуро М. Символическая история европейского Средневековья. СПб.: Александрия, 2019. 448 с.
9. Синодик Воскресенского Новоиерусалимского монастыря // Государственный исторический музей (ГИМ). Отдел рукописей. Собор. Воскресенского м-ря 66.

10. Синодик ярославского Спасо-Преображенского монастыря 1656 г. // Ярославский музей-заповедник. Инв. 15585.
11. *Сиренов А. В.* Концепция династической монархии в России XVII – первой половины XVIII в. // Древняя Русь после Древней Руси: дискурс восточнославянского (не)единства. М.: РОССПЭН, 2017. С. 345–357.
12. *Сиренов А. В.* Степенная книга и русская историческая мысль XVI–XVIII вв. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2010. 552 с.
13. *Солодкин Я. Г.* О датировке и хронологической структуре Нового летописца // Древняя Русь. Вопросы медиевистики. 2004. № 3 (17). С. 39–46.
14. Степенная книга 1670 г. // Российская государственная библиотека (РГБ). Ф. 178 (Музейное собр.). 4288.
15. *Сукина Л. Б.* Воображаемое древо: как первые Романовы изобрели для себя царскую родословную. М.: Проспект, 2022. 128 с.
16. *Усачев А. С.* Степенная книга и древнерусская книжность времени митрополита Макария. М.; СПб.: Альянс-Архео, 2009. 760 с.
17. *Филимонов Г. Д.* Симон Ушаков и современная ему эпоха русской иконописи // Сборник на 1873 год, изданный Обществом древнерусского искусства при Московском публичном музее. М.: Университетская типография (Катков и К), 1873. С. 3–104.
18. *Шалина И. А.* Камерные иконостасы («Походные церкви») в Псковском искусстве XVI века // Искусство христианского мира. М.: Изд-во ПСТГУ, 2017. Вып. XIV. С. 303–319.

Поступила в редакцию 01.11.2023

Сукина Людмила Борисовна, доктор исторических наук, доцент,
заведующая кафедрой подготовки кадров высшей квалификации
ФГБУН Институт программных систем РАН
152020, Россия, Ярославская обл., г.о. Переславль-Залесский, с. Веськово, ул. Петра Первого, д. 4а
E-mail: lbsukina@gmail.com

L. B. Sukina

OLD RUSSIAN PRINCES IN THE VISUAL CONSTRUCTION OF ROYAL GENEALOGY IN THE 17th CENTURY

DOI: 10.35634/2412-9534-2024-34-3-725-732

A new phenomenon in the Russian culture of the 17th century was the images of genealogical trees of Rurikids and Romanov royal dynasties. They were supposed to represent to contemporaries and descendants the historical and genetic continuity between the old and new ruling houses. The article examines the problem of ideological foundations and visual patterns for including specific persons of Old Russian princes in this composition. The purpose of the article is to identify what customers and artists were guided by in choosing personalities placed on the tree and in the interpretation of princely images, including entourage and insignia. The main sources of the study are the seven currently known images of the royal genealogies (three miniatures, an icon and a painting from the icon, an engraving and a fresco), as well as the texts of the Book of Royal Degrees, the New Chronicle, the grand prince and tsar's commemoration in the Sinodics. The author concludes that the ideological background and iconography of princely images in the visual design of the royal trees were noticeably diverse. It was due to the difference in both the available artistic models and the ideological tasks facing the compilers of the compositions under consideration, although they were all guided primarily by the text of the Book of Royal Degrees. Analysis of princely images in the construction of royal genealogy trees provides new material for studying the ways of development of the dynastic concept of royal power in the era of the first Romanovs.

Keywords: Old Russia, Russia of the first Romanovs, prince, royal family tree, royal power, visual source.

REFERENCES

1. *Bychkova M. E.* Sostav klassa feodalov Rossii v XVI v. Istoriko-genealogicheskoe issledovanie [The composition of the feudal class of Russia in the 16th century. Historical and genealogical research]. Moscow, Nauka Publ., 1986, 219 p. (In Russian).
2. *Gulina T. I.* Sinodik yarovskogo Spasskogo monastyrya 1656 g. (k formirovaniyu ideologii rossijskoj vlasti v XVII v.) [Synodik of the Spassky Monastery of Yaroslavl in 1656 (to the formation of the ideology of Russian power in the 17th century)]. Smutnoe vremya v Rossii v nachale XVII veka: Poiski vyhoda. K 400-letiyu «Soveta vseya Zemli» v Yaroslavle: Materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii [Time of Troubles in Russia at the beginning

- of the 17th century: Searching for a way out. To the 400th anniversary of the “Council of the Whole Earth” in Yaroslavl: Proceedings of the International Scientific Conference]. Moscow, 2012, pp. 231–247. (In Russian).
3. *Dmitriev I. D.* Moskovskij pervoklassnyj Novospasskij Stavropigial'nyj monastyr' v ego proshlom i nastoyashchem: Istoriko-arheologicheskij ocherk [Moscow first-class Novospassky Stavropegial Monastery in its past and present: Historical and archaeological essay]. Moscow, 1909, 138 p. (In Russian).
  4. *Kashtanov S. M.* Carskij sinodik 50-h godov XVI v. [Tsar's Synodik of the 50s of the 16th century]. Istoricheskaya genealogiya: al'manah [Historical genealogy: almanac]. Ekaterinburg, Paris, 1993, no. 2, pp. 44–67. (In Russian).
  5. *Klapisch-Zuber Ch.* Ot Svyashchennoj istorii k naglyadnomu izobrazheniyu genealogij v X–XIII vekah [From Sacred History to Visual Representation of Genealogies in the 10th–13th Centuries]. Odissej: CHelovek v istorii: YAzyk Biblii v narrative [Odysseus: The Man in History: The Language of the Bible in Narrative]. Moscow, Nauka-M Publ., 2003, pp. 200–227. (In Russian).
  6. *Lazar' (Baranovich).* Mech duhovnyj [Spiritual sword]. Kyiv, Kyiv Pechersk Monastery Press, 1666, 481 p. (In Church Slavonic).
  7. *Novyj letopisec [New Chronicler].* Polnoe sobranie russkikh letopisej [Complete collection of Russian chronicles]. St. Petersburg, M. A. Alexandrov Press, 1910, vol. 14, part 1, 154 p. (In Russian).
  8. *Pastoureau M.* Simvolicheskaya istoriya evropejskogo Srednevekov'ya [Symbolic history of the European Middle Ages]. St. Petersburg, Alexandria Publ., 2019, 448 p. (In Russian).
  9. Sinodik Voskresenskogo Novoierusalimskogo monastyrya [Synodik of the Resurrection New Jerusalem Monastery]. Gosudarstvennyj istoricheskij muzej (GIM) [State Historical Museum]. (In Russian, unpublished).
  10. Sinodik yaroslavskogo Spaso-Preobrazhenskogo monastyrya 1656 g. [Synodik of the Spaso-Preobrazhensky Monastery of Yaroslavl 1656]. Yaroslavskij muzej-zapovednik [Yaroslavl Museum-Reserve]. (In Russian, unpublished).
  11. *Sirenov A. V.* Konceptiya dinasticheskoj monarhii v Rossii XVII – pervoj poloviny XVIII v. [The concept of dynastic monarchy in Russia in the 17th – first half of the 18th centuries]. Drevnyaya Rus' posle Drevnej Rusi: diskurs vostochnoslavjanskogo (ne)edinstva [Ancient Rus' after Ancient Rus': the discourse of East Slavic (non)unity]. Moscow, Russian Political Encyclopedia (ROSSPEN) Publ., 2017, pp. 345–357. (In Russian).
  12. *Sirenov A. V.* Stepennaya kniga i russkaya istoricheskaya mysl' XVI–XVIII vv. [Book of Royal Degrees and Russian historical thought of the 16th–18th centuries]. Moscow, St. Petersburg, Alians-Arheo Publ., 2010, 552 p. (In Russian).
  13. *Solodkin Ya. G.* O datirovke i hronologicheskoi strukture Novogo letopisca [On the dating and chronological structure of the New Chronicler]. Drevnyaya Rus'. Voprosy medievistiki [Old Russia. The Questions of Middle Ages], 2004, no. 3 (17), pp. 39–46. (In Russian).
  14. Stepennaya kniga 1670 g. [Book of Royal Degrees 1670]. Rossijskaya gosudarstvennaya biblioteka (RGB) [Russian State Library]. (In Russian, unpublished).
  15. *Sukina L. B.* Voobrazhaemoe drevo: kak pervye Romanovy izobretali dlya sebya carskuyu rodoslovnuyu [An imaginary tree: how the first Romanovs invented a royal family tree for themselves]. Moscow, Prospekt Publ., 2022, 128 p. (In Russian).
  16. *Usachev A. S.* Stepennaya kniga i drevnerusskaya knizhnost' vremeni mitropolita Makariya [Book of Royal Degrees and ancient Russian book literature of the time of Metropolitan Macarius]. Moscow, St. Petersburg, Alians-Arheo Publ., 2009, 760 p. (In Russian).
  17. *Filimonov G. D.* Simon Ushakov i sovremennaya emu epoha russkoj ikonopisi [Simon Ushakov and Russian iconography of his time]. Sbornik na 1873 god, izdannyy Obshchestvom drevnerusskogo iskusstva pri Moskovskom publichnom muzee [Collection for 1873 published by the Society of Ancient Russian Art at the Moscow Public Museum]. Moscow, University Press (Katkov & Co), 1873, pp. 3–104. (In Russian).
  18. *Shalina I. A.* Kamernye ikonostasy («Pohodnye cerkvi») v Pskovskom iskusstve XVI veka [Chamber iconostasis (“March Churches”) in Pskov art of the 16th century]. Iskusstvo hristianskogo mira [Art of Christendom]. Moscow, St. Tikhon's Orthodox University (PSTGU) Press, 2017, vol. 14, pp. 303–319. (In Russian).

Received 01.11.2023

Sukina L.B., Doctor of History, Associate Professor, Head of Department of Highly Qualified Personnel Training Program Systems Institute of RAS
Petra Pervogo st., 4a, Ves'kovo, Pereslavl-Zalessky, Yaroslavl region, Russia, 152020
E-mail: lbsukina@gmail.com